

Лекция. История теология.

Теология (греч. *theología*, от *theós* — бог и *lógos* — слово, учение), богословие, совокупность религиозных доктрин о сущности и действии бога, построенная в формах идеалистического умозрения на основе текстов, принимаемых как божественное откровение. Одна из предпосылок Т. — концепция личного бога, сообщающего непреложное знание о себе через своё «слово», почему Т. в строгом смысле возможна только в рамках теизма или хотя бы в русле теистических тенденций. Вторая предпосылка Т. — наличие достаточно развитых форм идеалистической философии; основные философские истоки традиционной Т. христианства, иудаизма и ислама — учения Платона, Аристотеля и неоплатонизма. Хотя Т. не может обойтись без философского понятийного аппарата (ср. неоплатонический термин «единосущный» в христианском «символе веры»), она по сути своей отлична от философии, в том числе и от религиозной философии. В пределах Т. как таковой философское мышление подчинено гетерономным основаниям: разуму отводится служебная герменевтическая (истолковательная) роль, он принимает некритически и только разъясняет «слово божие». Т. авторитарна; в этом смысле она является отрицанием всякой автономной мысли, в том числе философии. В патристике складываются как бы два уровня: нижний уровень — философская спекуляция об абсолюте как о сущности, первопричине и цели всех вещей (то, что называл Т. ещё Аристотель — синоним «первой философии», или «метафизики»); верхний уровень — не постигаемые разумом «истины откровения». В эпоху схоластики эти два вида Т. получили обозначение «естественной Т.» и «богооткровенной Т.». Такая структура Т. наиболее характерна для традиционных католических доктрин. Перенос акцента на мистико-аскетический «опыт», запечатленный в «предании», определяет облик православной Т.: единое «предание» не позволяет ни «естественной Т.», ни библистике вычлениваться из своего состава. Протестантская Т. иногда тяготела к отказу от понятия «естественной Т.»; в 20 в. такие тенденции стимулировались влиянием экзистенциализма, а также стремлением вывести Т. из плоскости, в которой возможно столкновение с результатами естественнонаучных исследований и с философскими обобщениями этих результатов. Именно по вопросу о понятии

«естественной теологии» резко разошлись ведущие представители диалектической теологии — К. Барт и Э. Бруннер.

Догматическое содержание Т. понимается как вечное, абсолютное, не подлежащее какому бы то ни было историческому изменению. В наиболее консервативных вариантах Т., особенно в католической схоластике и неосхоластике, ранг вневременной истины дан не только «слову божью», но и основным тезисам «естественной теологии»: рядом с «вечным откровением» встаёт «вечная философия» (*philosophia perennis*). На переходе от средневековья к новому времени оппозиционные мыслители подвергались преследованиям не только и не столько за несогласие с Библией, сколько за несогласие со схоластически истолкованным Аристотелем. Однако перед лицом смены социальных формаций и культурных эпох Т. вновь и вновь сталкивается с проблемой: как ей обращаться к меняющемуся миру, чтобы на языке неизменных догматических формул выразить новое содержание. Консерватизм грозит полной изоляцией от общественного развития на современном этапе, превращением в духовное «гетто», модернизм, связанный с «обмирщением» религии — разрушением её основных устоев. В истории христианства четко проявляется систематически возвращающаяся необходимость «осовременивания» церковной мысли и практики. Подобные тенденции есть также в истории Т. всех вероисповеданий. Современный кризис Т. несравнимо глубже, чем какой-либо из предшествовавших кризисов; под вопрос поставлены не только тезисы Т., оспаривавшиеся вольнодумством и атеизмом былых эпох, но и казавшиеся вечными предпосылки в общественном сознании и общественной психологии.

Т. невозможна вне социальной организации типа христианской церкви и иудаистской или мусульманской общины, понятие «слова божия» теряет смысл вне понятия «народа божия» как адресата «слова». Это выражено в словах Августина: «я не поверил бы и евангелию, если бы меня не побуждал к тому авторитет вселенской церкви». Попытка протестантизма отделить авторитет Библии от авторитета церкви не смогла до конца лишить Т. её институционального характера как вероучения, обращенного от тех, кто «поставлен» в церкви учить членов церкви, к этим поучаемым. Связь с прагматическими нуждами церкви как организации порождает многообразие дисциплин Т. В традиции русского православия принята такая классификация этих

дисциплин: «основное» богословие излагает и защищает в апологетических спорах с иноверными и неверующими некоторую сумму исходных тезисов, «догматическое» — развёртывает и уточняет систему догматов, «нравственное» — даёт программу этического поведения члена церкви, «обличительное», или «сравнительное», — доказывает преимущество православия сравнительно с др. христианскими вероисповеданиями, наконец, «пасторское» — ведаёт практическими вопросами деятельности священника; к нему примыкают «литургика» (теория богослужения), «гомилетика» (теория проповеди), «каноника» (теория церковного права).

Сущность Т. как мышления внутри церковной организации и в подчинении её авторитетам делает Т. несовместимой с принципами автономности философской и научной мысли. Поэтому начиная с эпохи [Возрождения](#) не только материалистическая, но и некоторые направления идеалистической философии формировались в более или менее антагонистическом отталкивании от Т. и создали богатую традицию её критики. Эразм Роттердамский критиковал Т. как сухую и скучную игру ума, становящуюся между человеческой личностью и евангельской «философией Христа». Буржуазный прогресс стимулировал подчёркивание практической бесполезности теологического умозрения; этот мотив ярко представлен у Ф. Бэкона и энциклопедистов. Критика Т. обосновывалась также критикой Библии как основы Т.; классиком такой критики был уже Спиноза. Новый уровень антитеологической мысли был достигнут Л. Фейербахом, поставившим вопрос о Т. как отчуждённой (см. [Отчуждение](#)) форме человеческого сознания и систематически истолковавшим теологический образ бога как негативный и превращенный образ человека. Однако нарисованная Фейербахом драма передачи человеком своих полномочий богу как своему отрицанию разыгрывается вне социально-экономических условий. Исходя из совершенно нового взгляда на социально-экономическую обусловленность религии и Т., марксизм преодолел отвлечённость фейербахианства, а с ним и непоследовательность всей предыдущей критики Т. Подытоживая наследие наиболее непримиримой критики Т. со времён [Просвещения](#), марксистский [атеизм](#) анализирует теологические построения как отражения

исторически конкретных антагонистических социальных отношений, подчиняющих человека нечеловеческому началу.